

ИСТОРИЯ

HISTORY

УДК 94(470.57) «17»(00)
doi:10.21685/2072-3024-2021-2-1

Притяжение империи (исследование аттрактивных факторов, обусловивших добровольность российского подданства башкир)

Б. А. Азнабаев

Башкирский государственный университет, Уфа, Россия
azbulatt@mail.ru

Аннотация. *Актуальность и цели.* В исторической литературе утвердилась концепция, согласно которой добровольный характер принятия подданства был обусловлен стремлением башкирских родов обрести защиту от внешней угрозы. Однако Русское государство XVI–XVII вв. не включило Уфимский уезд в общероссийскую систему защиты южных рубежей. Целью данной статьи является исследование причины добровольного вхождения башкир в состав России в середине XVI в. *Материалы и методы.* Из материалов фонда Сената по Уфимской провинции (Российский государственный архив древних актов) был вычленен комплекс источников, в которых указываются обстоятельства возобновления российского подданства башкир в 1722 г. Методологический потенциал включает сравнительно-исторический метод, применение которого позволяет сопоставить причины первого принятия башкирами российского подданства (середина XVI в.) и его возобновления в 1722 г. Релевантность подобного подхода обусловлена тем, что российские власти и сами башкиры неоднократно подчеркивали, что все условия подданства 1722 г. соответствовали положениям добровольного вхождения середины XVI в. *Результаты.* Родоплеменные структуры башкир были объединены горизонтальными связями, что исключало возможность создания единого центра власти, стоящего над общинами. Все решения, затрагивающие интересы родов, принимались только на народных собраниях. Однако поскольку субъектом землевладения являлась каждая родовая волость, то земельные споры не могли быть решены внутри башкирской политики правовым образом. *Выводы.* Башкирское объединение могло существовать только как автономия в рамках империи, поскольку лишь она являлась залогом поддержания мира между родовыми структурами во всех вопросах, связанных с землевладением. С особой остротой эта зависимость от внешнего равноудаленного арбитра проявилась после восстания 1704–1711 гг. К 1716 г. в башкирском обществе наметился кризис, грозящий перерасти в гражданскую войну. В итоге политический компромисс был найден только при решающем участии имперских властей.

Ключевые слова: Российская империя XVIII в., башкиры, башкирское общество, добровольное вхождение

Финансирование: статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ «Петровская эпоха» (Проект № 20-09-42053).

Для цитирования: Азнабаев Б. А. Притяжение империи (исследование аттрактивных факторов, обусловивших добровольность российского подданства башкир) //

© Азнабаев Б. А., 2021. Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License / This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

The empire attraction (a study of the attractive factors concerning the voluntary of Russian subject to Bashkir)

B.A. Aznabaev

Bashkir State University, Ufa, Russia

azbulatt@mail.ru

Abstract. *Background.* In the historical literature it is established that the voluntary nature of accepting citizenship was due to the desire of the Bashkir clans to gain protection from external threats. However, the Russian state of the 16th – 17th centuries did not include the Ufa district in the all-Russian system of protection of the southern borders. The purpose of this work is to study the reasons for the voluntary entry of the Bashkirs into Russia in the middle of the 16th century. *Materials and methods.* From the materials of the Senate fund for the Ufa province (Russian State Archive of Ancient Acts), a set of sources was isolated. These documents indicate the circumstances of the resumption of Russian citizenship of the Bashkirs in 1722. The methodological potential includes: a comparative historical method, the use of which allows us to compare the reasons for the first adoption of Russian citizenship by the Bashkirs (middle 16th century) and its renewal in 1722. The relevance of this approach is due to the fact that the Russian authorities and the Bashkirs themselves have repeatedly stressed that all the conditions of citizenship in 1722 corresponded to the provisions of the voluntary entry of the mid-16th century. *Results.* The tribal structures of the Bashkirs were united by horizontal ties, which excluded the possibility of creating a single center of power standing over the communities. All decisions affecting the interests of the clans were made only at popular assembly. However, since each clan district was the subject of land tenure, land disputes could not be resolved within the Bashkir polity in a legal way. *Conclusions.* The Bashkir unification could exist only as an autonomy within the empire. Only this was the key to maintaining peace between clan structures in all matters related to land tenure. This dependence on an external equidistant arbiter manifested itself with particular acuteness after the uprising of 1704–1711. By 1716, a crisis was outlined in Bashkir society, threatening to develop into a civil war. As a result, a political compromise was found only with the decisive participation of the imperial authorities.

Keywords: Russian Empire of the 18th century, Bashkirs, Bashkir society, voluntary entry

Acknowledgments: the research was financed by the RFBR “Peter’s era” (Project No. 20-09-42053)

For citation: Aznabaev B.A. The empire attraction (a study of the attractive factors concerning the voluntary of Russian subject to Bashkir). *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* = *University proceedings. Volga region. Humanities*. 2021;2:3–12. (In Russ.). doi:10.21685/2072-3024-2021-2-1

Историографический аспект проблемы. В исследованиях, посвященных вхождению башкир в состав Российского государства, давно утвердилось положение, согласно которому башкирские роды стремились в первую очередь обрести защиту от внешних врагов. К примеру, автор первого труда по истории вхождения Башкирии в состав России А. Н. Усманов настаивал на том, что, присоединив Башкирию, Русское государство взяло на себя ее защиту от разорительных набегов и грабежей со стороны соседних племен и

народов, от попыток кочевых ханов подчинить башкир своему господству [1, с. 115].

В современном исполнении этот тезис представлен в исследованиях Ф. А. Шакуровой, утверждающей, что отношения между башкирской элитой и Российским государством следует интерпретировать как протекторат. В качестве исторической аналогии присоединения башкир к России автор приводит факт призвания славянскими и финскими племенами варягов, что «было типично для обществ сходного уровня развития» [2, с. 172]. Насколько корректна данная историческая аналогия? «Повесть временных лет» указывает на то, что к варягам славянские и финские племена обратились после того, как «...изгнаша варягы за море, и не даша имъ дани, и почаша сами в собѣ володѣти. И не бѣ в нихъ правды, и вѣста родъ на род, и быша усобицѣ в них, и воевати сами на ся почаша» [3, с. 112]. Очевидно, что отнюдь не защитников видели в варягах славяне и финны. К тому же концепция «протектората» плохо ложится на башкирский материал по формальным признакам. Протекторат – форма межгосударственных отношений, когда одно государство берет под защиту другое. На сегодняшний момент в литературе отсутствуют убедительные доказательства существования у башкир государства накануне принятия ими российского подданства.

С другой стороны, доводы, опровергающие наличие протектората, изложенные в трудах И. Г. Акманова, выглядят спорными. Видный историк считает, что протекторату не было место в централизованном государстве [4, с. 19]. Однако в значительно более централизованной России XVIII–XIX вв. имелись протектораты. К примеру, в XVIII в. Картли-Кахетинское царство, а в начале XIX в. Младший казахский жуз официально назывались протекторатами Российской империи.

Противоречия в концепции присоединения Башкирии к Русскому государству. Исследователи, настаивающие на том, что башкиры входили в состав России в поисках защиты от внешней угрозы, игнорируют несколько очевидных фактов. Во-первых, Башкирия (с начала XVII в. Уфимский уезд) не входила в общероссийскую систему обороны южных границ. Охрана юго-восточного участка по рекам Яик, Илек, Эмба и Орь была передана башкирам. Они обязались не только нести станично-сторожевую службу (т.е. предупреждать набеги), но и участвовать в походно-полковой службе (т.е. организовать военный отпор вторжению сил неприятеля). Башкирам после возобновления их российского подданства в 1722 г. было заявлено следующее: «Когда каракалпаки и киргис-кайсаки в российские города возымеют намерение приходить для воровства и они бы того пристерегали и проходить в российские пределы не допускали и в таких случаях свойски на них ходили» [5, л. 696].

Во-вторых, на наш взгляд, не следует преувеличивать угрозу со стороны ногаев или сибирских шибанидов в период вхождения башкир в состав России. Последний ногайский наместник Башкирии мурза Кара Кель-Мухаммед в 1611 г. отказал русскому послу в военной помощи на том основании, что основные его силы стоят на заставах против калмык и башкир. Интересно, что летние кочевья этого ногайского аристократа находились в непосредственной близости от русской Уфы [6, с. 24]. Очевидно, что ногайский наместник больше нуждался в российском протекторате, нежели сами башкиры.

К тому же события 30-х гг. XVII в. показали, что именно ногаи не смогли устоять под натиском калмыков.

В определенной степени концепцию протектората опровергает пример башкирских восстаний XVII–XVIII вв., создавший башкирам репутацию самого мятежного народа империи. К. Шмитт, ссылаясь на Т. Гоббса, указывает на «взаимоотношение между защитой и повиновением, ненарушимого соблюдения которого требуют состояние человеческой природы и божественные законы, как естественные, так и положительные» [7, с. 329]. Согласно этой логике, от народа, не нуждающегося в защите, сложно ожидать повиновения.

Однако в таком случае возникает вопрос, какую цель преследовали башкирские роды, добровольно присягая на верность Российскому государству.

И. Г. Акманов на основании анализа башкирских шежере делает вывод, что в переговорах башкирских послов с русскими властями о принятии подданства главным был земельный вопрос [8, с. 52]. Башкиры добивались от российских властей закрепления за башкирскими родами земель, которые были отняты у них ногаями. Но автор не уточняет, какую цель преследовало «закрепление» земель за башкирскими родами. Вряд ли башкиры боялись ногайского реванша. К тому же, будь у ногаев силы, их экспансию не остановило бы формальное признание русским государством земельных прав башкирских родов. С другой стороны, в середине XVI в. русская колонизация не могла угрожать башкирам, поскольку в крае не было ни одного русского города. Даже в XVII в. поселения крестьян Уфимского уезда ограничивались округой немногочисленных крепостей и укрепленных дворцовых сел.

Причина вхождения башкир в состав Российского государства и политическая структура башкирского общества. Мы считаем, что одним из главных факторов добровольного вхождения башкир в состав Российского государства являлись внутренние противоречия, угрожавшие целостности башкирской политики.

Что представляло собой это образование? Государства, возникшие на руинах Улуса Джучи, копировали Золотую орду, т.е. были ханствами с клановой иерархией, которую венчала фигура чингизида. Из этого порядка несколько выбивалась Ногайская орда, отказавшаяся от правления чингизидов даже в качестве марионеточных фигур. Однако правящий в Ногайской орде мангытский клан пытался создать свой миф, легитимизирующий власть представителей дома Едигея. У башкир возник особый вариант политического объединения, в котором горизонтальные связи между родоплеменными структурами доминировали над вертикальными. Иерархические конструкции родовых кланов эпизодически возникали только в периоды наибольшего военного напряжения этноса, однако они никогда не приобретали институциональный характер. Сетевая структура этой политики исключала наличие единого центра власти и сакрального лидера. Все башкирские роды обладали равным правовым статусом в этом объединении. Численность ополчения, величина родовой территории или древность обитания рода в Башкирии не принимались в расчет при разрешении межродовых конфликтов. Все общешкирские вопросы решались только на общих собраниях – йыйынах.

Ни один из родовых лидеров не имел права брать на себя решение любых вопросов без санкции народных собраний.

Признавали ли соседи наличие башкирской политики или же они рассматривали башкир как этническое сообщество, объединенное общностью языка, веры или происхождения?

В начале XVI в. ногаи, захватившие земли башкир, были вынуждены создать Башкирское наместничество, т.е. особую административную территорию с наместником, которая не входила в крыльевую структуру Ногайской орды [9, с. 210]. В период разрыва подданных отношений в первое двадцатилетие XVIII в. в российских официальных документах появляется политоним «Башкирская орда» [10, л. 201]. Таким образом, и ногайские бии, и российское правительство принимали в расчет факт политического единства башкирского народа.

Империя – залог внутреннего мира башкирского общества. Что мешало башкирской политике существовать в качестве суверенного образования? Дело в том, что подобные акефальные политики не обладали механизмом правового разрешения таких внутренних конфликтов, как земельные споры между родами или кровная месть. Война же как средство урегулирования межродовых противоречий могла длиться бесконечно. При отсутствии сакрального вождя, стоящего над родоплеменными структурами, роль равноудаленного арбитра брали на себя имперские структуры, будь то монгольские или российские. Исследователи, интерпретировавшие информацию башкирских шежере, не обращают внимание на то, что посланцы башкир в XVI в. не просто просили российские власти закрепить за их родами вотчинные земли, но и требовали обмерить и размежевать их. В родословной росписи племени Минг прямо утверждается: «...земли просили поделить, чтобы избежать взаимного насилия» [8, с. 30].

К середине XVI в. земельные конфликты между некоторыми башкирскими родами насчитывали сотни лет и приобрели эпическое содержание. К примеру, спор за землю между бурзянами и кипчками воплотился даже в двух эпосах с противоположными интерпретациями образов главных героев.

Повторное вхождение башкир в состав Российского государства. В письменных же источниках середины XVI в. причины добровольного вхождения башкир в состав России отражены крайне скудно, чего нельзя сказать о ситуации 1716–1720 гг., когда башкиры обратились к правительству с просьбой возобновить свое российское подданство. Этот же комплекс источников свидетельствует том, что в результате восстания 1704–1711 гг. башкиры вышли из российского подданства *de jure* [11, с. 113].

В первые годы после завершения восстания башкиры не помышляли о восстановлении прежних отношений с Россией, но в 1716 г. сами предложили российским властям расследовать причины восстания и выразили готовность присягнуть государству на условиях прежних договоренностей XVI–XVII вв.

Что подтолкнуло башкир к возвращению в подданство России? Документы сената говорят о том, что башкиры обусловили возобновление своих отношений с империей решением вопроса о «сходцах». Это официальное называние незаконных переселенцев в Уфимский уезд. Интересно, что в эту же

категорию попали и пленные ясачные люди, уведенные с территории Казанской провинции после отступления башкирских повстанческих отрядов.

О масштабах этой вольной и невольной миграции свидетельствуют ясачные недоимки Казанской губернии. С 1707 по 1720 г. местные власти насчитали «казне недобор в денежном 160 000 рублей, а в хлебном 180 000 батманов» [12, с. 286]. В 1713 г. в губернии 33 ясачных двора числились пустыми [3, с. 128]. Годом ранее казанский губернатор П. А. Апраксин отметил, что в Башкирию ушло 10 тыс. ясачников, а «только нынешней зимой ушло еще 4000 крестьян» [12, с. 217].

В сенат одновременно с башкирским челобитьем поступила и коллективная просьба от самих «сходцев», которые просили власти не возвращать их домой, но переписать и обложить их ясаком «противу окладу башкир» [10, л. 130].

В условиях фактической и юридической независимости Башкирская орда оказалась неспособной решить проблему мигрантов без внешнего вмешательства.

В 1720 г. башкиры на йайынах приняли решение выдать российским властям всех «сходцев» и пленных ясачных людей, как русских, так и нерусских. Основная масса родов согласилась выдворить только тех, кто оказался на вотчинных землях после 1707 г., т.е. когда восставшие перенесли военные действия на территорию Казанской провинции. К маю 1722 г. из Уфимской провинции была выслана на прежние места обитания 5031 семья с 20 075 душами обоего пола. По очень приблизительным данным кунгурского бургомистра Юхнева, в 1726 г. численность башкир колебалась от 150 до 170 тыс. человек обоего пола [13, с. 484–485]. В начале 70-х гг. XVIII в. тептяробобыльская группа населения, состоящая в основном из пришлого населения, составляла 33 380 душ мужского пола [14, с. 29], т.е. около 70 тыс. душ обоего пола. Таким образом, по численности группа мигрантов была вполне сопоставима с башкирским населением.

Башкирам как народу «проклятому, многочисленному и военному», по оценке того же П. А. Апраксина [12, с. 256], не составляло большого труда согнать со своих земель мирных переселенцев. Проблема заключалась в том, что в отношении водворения мигрантов башкирские родоплеменные объединения заняли диаметрально противоположенные позиции.

Значительная часть башкир Ногайской и Казанской дорог Уфимской провинции (юг и запад) не только не желала выдавать сходцев, но и оказала вооруженное сопротивление поисковым командам, состоящим из регулярных войск и башкир. Дело дошло до убитых и раненных [12, с. 294]. Причина отказа объяснилась в основном экономическими причинами. Башкиры деревни Ай в ответ на требования поручика Милкевича выдать ему всех переселенцев ответили: «...ежели-де работников станут от них требовать, то-де никаких отдавать не станут, за что-де государь ваших крестьян из вас не выводит?» [10, л. 657]. Фактически башкиры приравнивали переселенцев к своим крепостным крестьянам. Граф И. Г. Головкин указал на долговую зависимость мигрантов от башкир: «...таких беглецов Казанского и других уездов у башкирцов живут за долговые деньги многое число, и таких-де не отдают, а коих отдают, требуют с них данных им денег, а тем беглецам тех денег взять негде,

без платежа денег не отдают» [12, с. 292]. Зависимость переселенцев от башкир-вотчинников вполне ясно охарактеризовал в середине XVIII в. оренбургский губернатор Д. В. Волков: «Каждой же башкирец чувашенина за самую презрительную и к одной подлой работе рожденную тварь почитает. Да что лучше чуваша и сами охотно тому мнению согласоваться кажутся... и от самых иногда зачем-либо посылаемых башкирцов обиды так терпеливо сносят, как бы тому так и быть надлежало» [13, с. 337].

Некоторая часть сходцев, переселившихся в Уфимскую провинцию в XVII в., успела породниться с башкирами, приобретя статус башкир-вотчинников. Неслучайно у одного из самых решительных противников возвращения переселенцев, муллы Исмаила, дед был «пришлой в Уфинской уезд» [12, с. 289]. Этих новых башкир не радовала перспектива оказаться на исторической родине. Казанский комиссар Ф. Люткин, посланный уговаривать башкир выдать сходцев, отмечал: «В Уфимской провинции башкирцы платили с 8 ясаков по одной кунице, которой цена 8 гривен и обойдется ясака токмо по гривне в год, а со двора по 4 деньги, а в Казани с ясака в год денежных сборов сбирается по 8 рублей по 26 алтын с полуденьгою» [10, л. 130]. Таким образом, ясак в Башкирии был в 450 раз меньше, чем в Казанской провинции. Даже захваченные в плен казанские ясачные люди не стремились получить свободу, рассчитывая со временем стать вотчинниками-башкирами. Однако именно такая перспектива всерьез обеспокоила башкир, не обладавших обширными вотчинными угодьями. В коллективной челобитной башкир на имя полковника Головкина от 17 мая 1720 г. сообщалось следующее: «...из тех беглецов иные, происком своим, назвав их башкирские земли своими землями, взяв от губернаторов указ, поселились деревнями на их башкирских землях... и ежели оные беглецы от них не возмутся, то-де многие беглецы, согласясь с их братею башкирцами, станут называть башкирские земли своими землями, для того, чтобы им как не есть остаться в Уфинском уезде» [10, л. 227].

Мигранты как неразрешимая проблема башкирского общества.

Почему же общешаркирские йыйыны не могли принять решение о запрещении отдельным родам принимать и укрывать у себя сходцев? Дело в том, что у башкир субъектом землевладения была родовая волость. Только она решала, кого поселять на своих землях, а кого лишать такой возможности. Более того, каждый ответственный плательщик ясака владел привилегией припускать на свой жребий любого поселенца, не спрашивая разрешения у общины. Однако плату, взимаемую с припущенника за пользование угодьями, вотчинник был обязан делить со своими сородичами. В 1734 г. башкиры 12 северовосточных волостей обратились в сенат с жалобой на башкира Майдара Мещерева, который «держит у себя много пришлых из других городов людей» [15, л. 263]. Несколько десятков тысяч башкир Сибирской дороги не могли запретить одному вотчиннику принимать у себя переселенцев.

К концу второго десятилетия XVIII в. башкирское общество оказалось на грани раскола по вопросу о переселенцах. Некоторые лидеры башкир многоземельных волостей юга Уфимской провинции намеревались создать ханство во главе с шибанидом или тукатимуридом. В 1721 г. у полковника Головкина появились сведения, что башкиры Бурзянской волости принимали

у себя представителей хана Мурата, которому якобы чудом удалось спастись после поражения под Терским городком [12, с. 295]. В том же году в Уфе узнали, что на границе Бурзянской волости появился хан Абулхаир.

В марте 1721 г. драгун-иноземец Иоган Александров нашел анонимное послание, обращенное старшинам Ногайской дороги. В нем говорилось: «Премное челобитье всем юртовым старшинам после челобитья ведома будет все мы говаривали, что в степной стороне живут воры к калмыкам и каракалпам уехать хотят, хан судья ваш, а судья ваш Смаил вор и к нему присталые, и вы воры и так-де вы все говаривали после войны, которые перешли чувашаи отдадите ничего не будет» [10, л. 583]. В письме изложено ультимативное требование башкирам степных волостей выдать российским властям всех сходцев, поселившихся в Башкирии после 1707 г.

В конце 1721 г. башкиры Ногайской дороги провели несколько йыйынов, где южным башкирам удалось прийти к общему решению – присягнуть на верность российским властям и выдать властям всех беглых и пленных, оказавшихся в Уфимской провинции после 1707 г. Башкиры особо подчеркивали, что условия принятия подданства должны быть такими, как было при «прежних государях» [10, л. 4], т.е. середины XVI в.

Следует особо обратить внимание на то, какие обязательства перед империей взяли на себя башкиры Ногайской дороги: «...на съездах предложили они шертованием служить царскому величеству верно, а которые из их братии башкирцов его величеству станут показывать какие противности и им на тех *ходить войной* (выделено мной – Б. А.)» [10, л. 675].

Никогда прежде башкиры не клялись «ходить войной» на свою «братию башкирцев». Фактически башкиры открыто заявили властям об отсутствии былой солидарности. А у российских властей появился шанс обрести среди башкир лояльных проводников своей политики, готовых воевать за интересы империи даже со своими соплеменниками. В 1735 г. в Башкирии начнется очередное восстание, в котором вооруженное противостояние между «верными» и «воровскими» башкирами приобретет небывалые масштабы.

Подводя итог, необходимо отметить, что добровольность башкирского подданства была обусловлена политической структурой башкирского общества, в котором отсутствовал единый центр власти, стоящей над родовыми структурами. Все политические решения принимались на народных собраниях. У башкир отсутствовал сакральный лидер, поэтому между родоплеменными структурами сложились отношения равноправия, независимо от их военного потенциала. Башкирские роды объединялись в политику, в которой доминировали горизонтальные связи, поддерживаемые верой в общее происхождение. Но поскольку субъектом землевладения выступал каждый отдельный род, то земельные конфликты между собственниками приводили к бесконечной войне. По этой причине наиболее применимой формой существования башкирской политики является не суверенное государство, а автономия в рамках империи. Глава империи, будучи равноудаленным властителем, брал на себя функцию судьи во всех земельных спорах башкир и криминальных преступлениях, являвшихся главными причинами межплеменных войн. Со своей стороны башкиры обязались воевать за империю и платить ясак за владение вотчинными землями.

Список литературы

1. Усманов А. Н. Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа : Башкнигоиздат, 1982. 355 с.
2. Шакурова Ф. А. Подданство или протекторат? Анализ поведения башкирской элиты в период восстаний // Идея свободы в жизни и творчестве Салавата Юлаева : сб. тр. Всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 250-летию со дня рождения Салавата Юлаева. Уфа, 2004. С. 171–176.
3. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси / РАН. ИРЛИ ; под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, А. А. Алексеева, Н. В. Поньрко. СПб. : Наука, 1997. 687 с.
4. Акманов И. Г. Башкортостан и Россия: Взаимоотношения в середине XVI – первой половине XVIII в. // Завоевание Башкирии Россией. 1552–1740 / Алтон С. Доннелли. Уфа, 1995. С. 17–27.
5. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 3. Д. 115.
6. Тrepавлов В. В. Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. Княжеские роды ногайского происхождения. Уфа : Уральский научный центр РАН, 1997. 72 с.
7. Шмитт К. Понятие политического. СПб. : Наука, 2016. 559 с.
8. История башкирского народа : в 7 т. Уфа : Гилем, 2011. Т. 3. 467 с.
9. Тrepавлов В. В. История Ногайской Орды. М. : Восточная литература, 2001. 752 с.
10. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Д. 107.
11. Таймасов С. У. Башкирско-казахские отношения в XVIII в. М. : Наука, 2009. 317 с.
12. Материалы по истории Башкирской АССР : в 7 т. Т. 1. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII вв. М. ; Л. : АН СССР, 1936. 631 с.
13. Материалы по истории Башкирской АССР : в 7 т. Т. 3. Экономические и социальные отношения в Башкирии в первой половине XVIII в. / сост. Н. Ф. Демидова. М. ; Л. : АН СССР, 1949. 691 с.
14. Гвоздикова И. М. Башкортостан накануне и в годы Крестьянской войны под предводительством Е. И. Пугачева. Уфа : Китап, 1999. 512 с.
15. РГАДА. Ф. 248. Оп. 15. Д. 821.

References

1. Usmanov A.N. *Dobrovol'noe prisoedinenie Bashkirii k Russkomu gosudarstvu = Voluntary accession of Bashkiria to the Russian state*. Ufa: Bashknigoizdat, 1982:355. (In Russ.)
2. Shakurova F.A. Citizenship or protectorate? Analysis of the behavior of the Bashkir elite during the uprisings. *Ideya svobody v zhizni i tvorchestve Salavata Yulaeva: sb. tr. Vseros. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 250-letiyu so dnya rozhdeniya Salavata Yulaeva = The idea of freedom in the life and work of Salavat Yulaev: proceedings of the All-Russian scientific and practical conference dedicated to the 250th anniversary of Salavat Yulaev*. Ufa, 2004:171–176. (In Russ.)
3. Likhachev D.S., Dmitriev L.A., Alekseev A.A., Ponyrko N.V. (ed.). The Tale of Bygone Years. *Biblioteka literatury Drevney Rusi = Library of Ancient Russia literature*. Saint-Petersburg: Nauka, 1997:687. (In Russ.)
4. Akmanov I.G. Bashkortostan and Russia: relations in the middle of the 16th – the first half of the 18th centuries. *Zavoevanie Bashkirii Rossiei. 1552–1740 = The conquest of Bashkiria by Russia. 1552–1740*. Ufa, 1995:17–27. (In Russ.)
5. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 248. Op. 3. D. 115 = Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 248. Schedule 3. Document 115*. (In Russ.)
6. Trepavlov V.V. *Nogai v Bashkirii, XV–XVII vv. Knyazheskie rody nogayskogo proth iskhozhdeniya = Nogai in Bashkiria, 15th – 17th centuries. Princely births of Nogai origin*. Ufa: Ural'skiy nauchnyy tsentr RAN, 1997:72. (In Russ.)

7. Shmitt K. *Ponyatie politicheskogo = Political concept*. Saint-Petersburg: Nauka, 2016: 559. (In Russ.)
8. *Istoriya bashkirskogo naroda: v 7 t. = The history of the Bashkir people: in 7 volumes*. Ufa: Gilem, 2011;3:467. (In Russ.)
9. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy = History of the Nogai Horde*. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001:752. (In Russ.)
10. RGADA. F. 248. Op. 3. D. 107 = *Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 248. Schedule 3. Document 107*. (In Russ.)
11. Taymasov S.U. *Bashkirsko-kazakhskie otnosheniya v XVIII v. = Bashkir-Kazakh relations in the 18th century*. Moscow: Nauka, 2009:317. (In Russ.)
12. *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR: v 7 t. T. 1. Bashkirskie vosstaniya v XVII i pervoy polovine XVIII vv. = Materials on the history of the Bashkir ASSR: in 7 volumes. Volume 1. Bashkir uprisings in the 17th and the first half of the 18th centuries*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1936:631. (In Russ.)
13. Demidova N.F. (comp.). *Materialy po istorii Bashkirskoy ASSR: v 7 t. T. 3. Ekonomicheskie i sotsial'nye otnosheniya v Bashkirii v pervoy polovine XVIII v. = Materials on the history of the Bashkir ASSR: in 7 volumes. Volume 3. Economic and social relations in Bashkiria in the first half of the 18th century*. Moscow; Leningrad: AN SSSR, 1949: 691. (In Russ.)
14. Gvozdikova I.M. *Bashkortostan nakanune i v gody Krest'yanskoy voyny pod predvoditel'stvom E. I. Pugacheva = Bashkortostan on the eve and during the Peasant War led by E.I. Pugachev*. Ufa: Kitap, 1999:512. (In Russ.)
15. RGADA. F. 248. Op. 15. D. 821 = *Russian State Archive of Ancient Acts. Fund 248. Schedule 15. Document 821*. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Буллат Ахмерович Азнабаев

доктор исторических наук, доцент,
заведующий кафедрой истории
Республики Башкортостан, археологии
и этнологии, Башкирский
государственный университет
(Россия, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32)

E-mail: azbulatt@mail.ru

Bulat A. Aznabaev

Doctor of historical sciences, associate
professor, head of the sub-department
of history the Republic of Bashkortostan,
archeology and ethnology, Bashkir State
University (32 Zaki Validi street, Ufa,
Russia)

Поступила в редакцию / Received 26.11.2020

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 17.03.2021

Принята к публикации / Accepted 03.04.2021